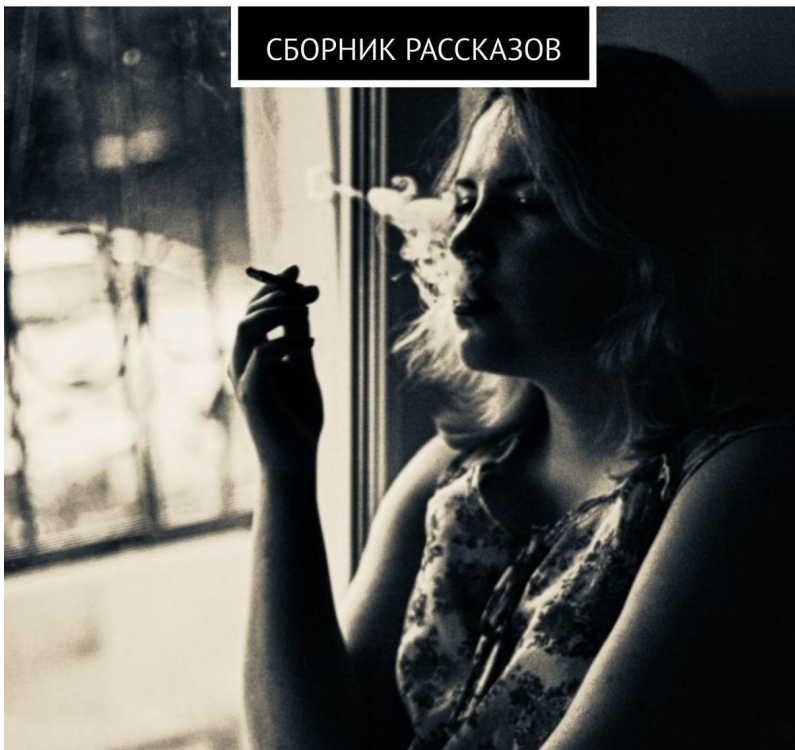

ВЛАДИМИР КОШКИН

СОБАКА ДЛЯ АНЕЧКИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Кошкин

Собака для Анечки.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149288

ISBN 9785449606556

Аннотация

Я тоже умирал в 16 лет. Знакомо? В этом сборнике лишь боль и обида на весь белый мир брошенного и никому не нужного подростка. Первая любовь? Нет! Проблемы отцов и детей? Опять мимо! Самоуничтожение, поиск себя как личности, ненависть к окружающим и т. п. Это не рассказы о периоде взросления, это рассказы, написанные в это тревожное время. Попытка убежать от реальности в мир, где тебе всё принадлежит, мир, где только ты знаешь, чем всё закончится, мир без Хэппи Энда. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Головоломка	5
Сказка об отражающем и мертвом	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Собака для Анечки

Сборник рассказов

Владимир Кошкин

© Владимир Кошкин, 2019

ISBN 978-5-4496-0655-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Головоломка

Существуя в двух мирах одновременно, начинаешь воспринимать все как-то иначе, невозможное становится всего лишь ограниченным, нереальное становится лишь незримым, и нельзя сказать, что жить становится легче, скорее интереснее, многое уже не такое как прежде, во всем видятся знаки и некий пока потаенный смысл.

1.

Сижу за заблеванным столиком в каком-то окраинном кабаке, глушу спирт с весьма сомнительным типом, который в сотый раз втолковывает мне какая же жизнь дерьмовая штука, и согласится с ним вроде бы хочется да что-то не дает, ведь если жизнь дерьмо, то зачем тогда вообще жить, а жить-то ой как хочется хотя и не ясно для чего.

Пахнет грязными потными телами, под потолком витает облако сигаретного дыма, глаза уже слезятся и хочется крикнуть, чтобы прекратили курить, а сам берешь и закуливаешь, всем назло, раз они курят то и я буду, вдруг кому-то от этого тоже хреново станет.

– Телефон. – Бормочет мой собеседник и указывает на телефонный автомат, висящий на стене. Нехотя поднимаюсь с насиженного места, попутно роняя стакан, матерюсь,

но все же иду к телефону.

– Да. – Ору в трубку и жду ответа. Тишина, слышится какой-то странный треск и шипение.

– Как ты? – Спрашивает давно забытый родной голос.

Был бы трезвый заорал бы, волосы бы дыбом на голове, наверное, встали, а вдруг ошибся, ну мало ли, хотя слишком уж знакомый голос, чтобы перепутать его с чьим-либо.

– Нормально. – Удивительно ясно и четко отвечаю. – А ты как?

– Одиноко тут, и...

– Ну, пока. – Вешаю трубку и иду обратно к заблеванному столику, странному собеседнику и облаку дыма под потолком.

– Ну и кто там был? – Спрашивает тип, попутно разливая по стаканам очередную порцию разбавленного спирта.

– Отец. – Отвечаю, а на душе паршиво так, и выпить страшно хочется, чтобы разговор этот забыть.

– Откуда звонил-то? – От вопроса ком в горле встает, ведь понимаю что все это всего лишь пьяный бред, но нет, где-то в подсознании все равно грызется червячок сомнения.

– Умер он, уже лет пять как. – Тип участливо кивает головой и поднимает стакан над головой, крича что-то про родителей и про верность, пью не закусывая, наливаю еще по одной и опять пью не закусывая.

– А ко мне жена моя по субботам приходит и ужин готовит. – Говорит тип и закуривает.

– И что? – Без энтузиазма спрашиваю я, а сам думаю, зная, что это Он мне звонил, спросил бы я у него еще что-нибудь и, черт побери, понимаю, что не то что спросить, сказать ему больше нечего было.

– Дек она у меня почитай уж лет десять в могиле поживает, умерла моя Аленушка, инфаркт у нее приключился. – Мужик всплакнул, разлил по стаканам остатки спирта и, чокнувшись со мной, выпил. – Она когда первый раз ко мне пришла ровно через день после похорон, я чуть с ума не сошел, но потом она мне рассказала все. Что, любит меня очень сильно и никогда не бросит и приходить будет по субботам, я первый год-то как-то неуютно себя чувствовал, а потом привык. А день сегодня какой?

– Суббота. – Отвечаю и смотрю на типа.

– Пошли ко мне, водочки возьмем, посидим, с женой познакомлю. – Мужик встал со стула и, качаясь, уставился на меня.

Боже, какой абсурд, иду в гости к незнакомому человеку, который старше меня лет на десять, наверное, а то и того больше, иду не просто так нажраться и облевататься, а познакомится с умершей женой, хотя чего скрывать нажраться и облевататься тоже.

Мы плутали по темным закоулкам около часа. В попутных окнах виднелись прокопченные глаза неизвестных людей, слышались чужие слова, песни и крики, а тип все шел и шел, и говорил про свою жену, про то, что ему наплевать,

что она умерла, про то, что и сам скоро подохнет как собака в какой-нибудь зассаной подворотне.

А как умру я? Доживу до старости и склею ласты от ма-разма и одиночества или пушу пулю себе в лоб лет через пять? Руки дрожат, знаю, что жизнь полнейшее дерьмо, а тянет и тянет жить, жить захлебываясь говном. Парадокс.

– Пришли! – Захожу следом за типом в какой-то подъезд, до чего же здесь воняет кошачьей мочой и другими прелестями коммунальной жизни. А он все поднимается по неудобным ступеням, и я иду за ним следом. В миллионах замочных скважин чьи-то незримые глаза смотрят на обреченных, а мы идем и идем вверх.

Однокомнатная квартирка радуется своей убогостью, об обоях и речи быть не может, из мебели только стол, три табуретки, унитаз да матрас на снятой с петель двери.

– Присаживайся. – Сажусь на шатающуюся табуретку. Спирт уже давно затуманил мой разум желудок неоднократно извергал на мои штаны свое веское слово, сигареты душили, и жутко хотелось спать.

Я не помню, как очутился у себя дома, как разделся и лег в постель.

Пошатываясь, встал с постели и прошел в ванную, надо бы побриться, а то, как бомж, не бритый в забблеванных штанах.

Раздался телефонный звонок.

– Ты где?

– Дома, наверное.

– Давай быстрее к нам!

– Куда?

– Да ты что с ума сошел, или склерозом страдаешь?

К церкви!

– Кто-то умер?

– Приедешь, я тебе башку откручу, сына я крестить собираюсь, а ты отец его крестный!

– Сейчас буду.

Чушь какая-то, я и крестный отец, наверное, опять спьяну что-то наболтал и согласился.

Оделся на редкость быстро, а вот такси пришлось немного подождать. Сигаретный дым обжигал легкие, дебильная музыка била по мозгам, хотелось поскорее доехать до церкви.

Как же давно я не видел этого здания, вот только раньше оно ассоциировалось у меня с чем-то большим и светлым, а теперь стало простым домом с причудливыми куполами и все. Меня крестили здесь, лет сто тому назад, в той, другой жизни, где добрый боженька поможет, если что не так или накажет, если провинишься. Стою и смотрю, надо бы внутрь зайти да что-то не пускает, это не предубеждения, просто ладаном уж сильно там пахнет.

– Ну что, козел, где был? – Спрашивает Димка, мой друг, наверное, хотя если разобраться, конечно друг, иначе бы давно послал ко всем чертям и по морде бы, наверное, съездил не один раз.

– Проспал. – Вру я, а что мне остается сказать, что пил

всю ночь неизвестно с кем и неизвестно где?

– Ладно, окрестили уже без тебя, Сашка отец крестный. – Смягчившись, говорит он и ведет меня к машине.

А ведь хорошо, что я не пришел, практически атеист и туда же, отец крестный, хреновый из меня вышел бы отец, хоть и не родной. Чему я могу его научить, это маленькое счастливое, пока что, создание, он участливо машет маленькими ручонками и задорно улыбается.

Практически машинально здороваюсь с Кристиной с Сашкой и маленьким Виталиком, и мы едем отмечать это событие.

За окном машины проносятся люди с мертвыми глазами и пепельными лицами, им наплевать на нас, а нам наплевать на них и всем хорошо. До чего же надоело это бессилие, эта безнадега, осознание всей нелепости происходящего, смотрю на младенца, а он на меня. Я знаю, что и он умрет, и родители это знают, что он умрет, но все делаем вид, что все это какая-то огромная тайна и неправда. Колоссальный обман, будто бы нет ее, этой вашей смерти, выдумка маразматиков, мы живем, значит, смерти нет. Не хочется о ней думать, ведь когда начинаешь задумываться, страшно становится, потому что понимаешь, а что если и я умру. Понимаешь и сходишь с ума, хочется вернуть все обратно, быть стадным идиотом, но нет, живи, а вернее существуй теперь так, и мучайся.

Подъезжаем к подъезду, поднимаемся на пятый этаж и заходим в квартиру, здороваюсь со всеми и прохожу в комнату,

сажусь за стол и, не церемонясь, наливаю водку себе в рюмку.

– Ты что, подожди всех. – Шипит Саша. Он иногда конечно бывает занудой, но, черт побери, такой уж он человек и это его право, да к тому же друг, пускай со своими тараканами в голове, но все же друг, да и собственно говоря, у кого их сейчас нет, тараканов этих?

– Зачем? – Выпиваю и закусываю, хозяева смотрят с укором, а мне наплевать, все равно все напьются рано или поздно, зачем ждать?

– Давайте выпьем за Виталика и за его родителей. – Громко говорит тост новоявленный крестный отец и поднимает свой бокал с вином, водку он сегодня не пьет. Нехотя чокаюсь и выпиваю еще раз со всеми, и, черт побери, опять этот осадок в душе, нет, пить вредно, думать начинаешь четко и правильно, а это не нравится никому. Тост за тостом, рюмка за рюмкой, выходим на лестничную площадку и курим.

– А ведь ты чмо. – Констатирую и получаю кулаком в нос. Черт его знает, к кому это вообще относилось да и объяснять незачем. Хватаю пальто и выхожу на улицу, свежий воздух бодрит как никогда, иду, и жить не хочется. Господи, до чего же противно, до рвоты, до боли, ржавое сомнение режет вены изнутри, а что если? Иду, а куда? Трудно жить и не уметь говорить, видеть и слышать, но молчать, кому это надо? Решено, надо заканчивать со всем этим дерьмом!

Дорога бежит куда-то в неизвестность, и брненное тело ле-

тит сквозь мрак света, а я все продолжаю и продолжаю кричать что, умирая, остаюсь жить а, живя, подыхаю, кто-то смеется и тычет в меня пальцем, вот, мол, еще один дурак, берите его. Упиваюсь решимостью и кричу что вот она, долгая и счастливая жизнь, а вы твари ее не замечаете, потому что она вам не нужна, вам тепло в своих загноенных телах, вы лепите и лепите себе подобных забывая в них сомнения и волю. Смерть – как выход, как решение загадки о смысле жизни.

2

Больничные коридоры уводят за собой в забытье, окружающие смеются и плюют в неможное тело, в мое тело. Что я могу сейчас? Смотреть на эти пепельные лица и пускать пену изо рта, молча кричать, звать на помощь, доказывать, что я здоров, что все это ошибка, что я не сумасшедший?

Таблетки, горы таблеток, уколы и этот тошнотворный успокаивающий голос, вновь и вновь. Когда прихожу в себя, начинаю шевелиться, становится больно, так больно, что аж скулы сводит.

– Парень ты как? – Доносится откуда-то издалека. Поворачиваю голову, проходит, наверное, целая вечность, перед глазами возникает образ, пока еще не четкий, глаза слезятся.

– Отстань от него, он еще от процедуры не отошел. – Интересно, а это кто, глаза открыты, но вместо четких образов

лишь расплывающиеся тени.

– Ты это, главное не волнуйся, скоро пройдет. – Лежу и молча вою от бессилия, слышу, но не вижу никого.

– Двенадцать и вновь пустота, а там где пусто всегда так светло, что порой даже когда глаза закрываешь, кажется что, они открыты, такой вот там яркий свет.

– А что если не дышать?

– Тогда начинает болеть голова, хотя, возможно я ошибаюсь. Понимаешь, там все случайно, там нет ничего последовательного и логичного, все спонтанно. В пустоте порой возникают некие непустоты, и они засасывают в себя все подряд, это очень страшно.

Я лежал и слушал этот разговор, закрыв глаза, и воображение рисовало причудливые картины в моем помутневшем сознании. Странную треугольную комнату с потолками, уходящими куда-то ввысь, тошнотворными белыми стенами и огромными решетками на окнах. В каждом углу сидит по одному человеку, руки их связаны за спинами, и на рты надеты повязки, а они все равно говорят, говорят и не замечают то, что рты их завязаны. Под потолком противно жужжат мухи, те которые обычно слетаются на свежие трупы, чтобы отложить в них свои личинки.

– К черту эту вашу пустоту.

– Она вам не по душе?

– Противно слушать о том, что после смерти лишь пустота, глупо, и страшно.

– А что тогда, по-вашему, должно быть после смерти?

– Понятия не имею, я вообще склонен думать, что смерть похожа на сон.

– На сон?

– И вообще, эту тему, о смерти, лучше не затрагивать вообще.

– Это еще почему, смерть неотделима от нашего естества.

– Ну, сами судите, в основном категории нашего языка включают опыт, знания о котором мы получаем благодаря нашим физическим ощущениям, в то время как смерть есть нечто такое, что лежит за пределами нашего сознательно-го опыта, потому что большинство из нас никогда не переживали ее. То есть, если мы говорим о смерти вообще, мы должны избегать как социального табу, так и языковые проблемы, которая присутствует в нашем повседневном опыте. В конце концов, мы приходим к эвфемистическим аналогиям. Мы сравниваем смерть или умирание с вещами, с которыми мы знакомы из нашего повседневного опыта и которые представляются нам приемлемыми.

– Ну, хорошо, но ведь вы сами прибегаете к одной из этих аналогий,

сравниваете смерть со сном.

– Потому что я такой же человек, как и вы. К тому же я не одинок в

своем сравнении.

– Кто еще?

– Ну например в «Апологии» Платон вкладывает в уста своего учителя Сократа, приговоренного афинским судом к смерти, следующие слова: «И если смерть есть отсутствие всякого ощущения – что-то вроде сна – когда спящий не видит и так никаких снов, то она была бы удивительно выгодной. В самом деле я думаю, если бы кто должен был выбирать такую ночь, в которую он так спал, что даже снов не видел и, сопоставив с этой ночью все остальные ночи и дни своей жизни, сообразил бы, сколько дней и ночей он прожил лучше и приятнее в сравнении с той ночью, то я думаю..., что те ночи в сравнении со всеми остальными днями и ночами пересчитать легко.»

– Господи, какая бредятина, вы против моей пустоты, а сами, в конце концов, сами приходите к ней, ведь что есть сон, с вашей точки зрения, ничто иное, как пустота, пускай на какое-то время. Как я понял сон вам тем и приятен, что он на какое-то время, не навсегда, когда проснешься, возможно, забудешь все, что тебе снилось. Какая разница, пустота она и есть пустота, пускай на мгновение, но все же.

– Ладно, черт с вами, может, сменим тему?

– С удовольствием.

Они вновь завели разговор, в этот раз о каких-то кальмарах, об их проблемах и другой чепухе, а в моей голове уже рвалась и металась эта жуткая мысль о пустоте после смерти.

Я лежал и слушал этих людей, невидимок для меня сейчас, и размышлял вместе с ними. Где-то там, сейчас рвет сво-

их приверженцев жизнь, а я тут. Вдруг стало так смешно, не знаю, отчего, но захотелось смеяться просто так, без повода, настроение так и осталось паршивым, но смех разрывал меня изнутри, ему было наплевать на мои душевные переживания.

Проваливаясь в сон, я подумал, о смерти, а что если я умираю?

Смешно, трясешься и ждешь конца света, боишься, что все сбудется, а когда он не настает, ходишь и нервно выкрикиваешь, мол, что за безобразие еще один конец света просрали. Вот и сейчас, проснулся и недоволен от того, что снова жив, а когда засыпал до ужаса боялся что не проснусь.

– Как вы себя чувствуете? – До чего же знакомый голос, но эту женщину я вижу впервые, хотя возможно я ошибаюсь.

– Нормально, вроде. – Отвечаю, а сам смотрю на ее ноги, коротенький халатик еле-еле прикрывает колени.

– Курите? – А ноги у нее ей богу не плохие.

– Да. – Беру сигарету и закуриваю. – Можно задать вопрос?

– Ну, разумеется. – Она мило улыбается, но я все равно замечаю, как все ее тело мгновенно напрягается.

– Кто вы, и почему я здесь? – Боже до чего же хорошо, что на свете есть сигареты, никогда бы не подумал, что буду им так рад.

– Видите ли...

– Покороче, пожалуйста. – Перебил я, вообще-то не хотел,

само собой вырвалось.

– Сергей Михайлович, вы здесь находитесь, так сказать на некоем обследовании.

– Проверяете, не шизофреник ли я?

– Ну не совсем. – Она вдруг заметила мой не скромный взгляд на ее ноги и немного смутилась.

– Вы не ответили на мой вопрос, до конца. – Интересно, сколько ей лет? На вид не больше двадцати пяти, черт побери, весьма не дурна собой.

– Меня зовут Светлана Георгиевна Арно.

– Значит Светлана Георгиевна.

– Давайте все же перейдем к делу.

– Давайте. – Я осторожно выудил из пачки очередную сигарету и закурил.

– Сергей Михайлович, вы поступили к нам в весьма плохом состоянии.

– Я что был пьян?

– И это тоже, вы хотели повешаться.

– Я? – У меня, аж сигарета изо рта выпала. – Значит, все-таки решился.

– Я вижу, мысли о суициде посещали вас уже давно и неоднократно?

– Ну не то чтобы, но было, спорить не буду.

– Можно поинтересоваться, от чего у вас такое маниакальное стремление к смерти?

– Ну, во-первых, никакого стремления у меня нет, так,

иногда, по пьяному делу ум за разум заходит и все, а во-вторых, дальше рассуждений, ну до самого суицида, так сказать непосредственно, дело не доходило.

Интересно, отчего в медицину идут красивые девушки, смотришь на них, и не верится что вот такое хрупкое существо, без раздумий может вскрыть тебе черепную коробку, когда ты в морге лежишь, достать мозг и, покрутив его в своих миниатюрных ручках, засунуть обратно.

– Хорошо, я вижу, что вы немного утомлены нашей беседой, возвращайтесь к себе в палату. – Она встала со стула и, небрежно отдернув край халатика, подошла к окну. Беседа была окончена.

Двенадцать дней восемь часов, и крыша тут начинает съезжать на самом деле. Когда общаешься с душевно больными, сам начинаешь считать себя таким же. Но не это главное. Например, люди, которые то появляются, то исчезают из ниоткуда в никуда, голоса говорящие сами с собой, да и много еще чего другого, во что в нормальном состоянии просто не поверишь. Я рассказал одному из больных, что слышал, как два типа трепались между собой, когда я лежал почти без сознания, про то, что там был и третий который молчал и смотрел по сторонам.

– А говорили они о смерти. – Вдруг сказал он.

– Они сравнивали ее со сном, вернее сравнивал один, а второй говорил что смерть, равно как и сон ничто иное, как пустота. – Я вдруг на минутку замешкался. – А ты отку-

да знаешь?

– Я тоже их слышал, да и, наверное, все их слышали. – Он пожал плечами и вновь подошел к окну, от которого я его отозвал, чтобы поделится сокровенным. – Знаешь, все думали поначалу, что там действительно кто-то сидел, но некоторые смогли таки открыть глаза, и знаешь, там никого не оказалось просто-напросто пустая комната, а голоса продолжали говорить, как ни в чем не бывало.

– Ну а медики, ну врачи-то что говорят?

– Ничего, они лишь глядят по голове и противно так говорят, что все будет хорошо, и пичкают таблетками до потери пульса. Знаешь, что это за противное состояние, когда ты слышишь, видишь, думаешь, но при всем при этом ничего не можешь сделать, лишь моргать да пускать пену изо рта?

Мы стояли и говорили с ним до отбоя, потом нас силой увели в палату и, уложив на кровати, привязали к ним ремнями. Когда выключили свет, мне стало страшно. Однажды, в детстве, когда мать выключила в моей комнате свет, появился человек, он сел ко мне на кровать и стал смотреть мне в глаза, я тогда дико перепугался и закричал, прибежали родители и включили свет. Комната была пуста, но этот взгляд, этот взгляд еще долго прожигал меня насквозь.

– Притворись, что ты спишь! – Услышал я приглушенный шепот откуда-то из темноты. Я слышал, как отварилась дверь и в палату вошли четверо, как шуршащей походкой они двигались к моей кровати. Я зажмурился, сердце забилося в ди-

кой агонии, руками я вцепился в край кровати. Они встали вокруг меня и стали смотреть, смотреть точно так же как и тогда в детстве смотрел тот человек появившийся из ниоткуда. Потом послышался их шепот, этот душащий шепот, проникающий во все мое тело, голова начала разрываться на части. Я закричал изо всех сил, закричал, не открывая глаз.

3

Тяжело ли знать что там дальше? Поначалу возможно, но потом все это теряет свой первоначальный смысл, вернее его отсутствие. Да и не дает оно ответа на все вопросы, это осознание.

Сегодня последний день моей жизни, очень скоро мое сердце остановится, и я знаю это. Мне не страшно, и не умиротворенно, мне просто наплевать. Те трое, что объяснили мне все, до сих пор в моей голове, они продолжают шептать мне все, до сих пор в моей голове, они продолжают шептать мне все, но я не вижу в их постулатах теперь ничего особого. На стене кровью, моей ли, написан стишок, я написал его, пять лет назад, когда вышел из больницы с Ними в голове. Этот стишок я вычитал в книге, кажется, это был какой-то исторический роман, но не это самое главное. Стишок этот из 19 века, но как он подходит ко мне!

«Три Ангела к моей кровати,

Три Ангела вокруг моей головы.

Один, чтобы наблюдать, и один, чтобы молиться,

И один, чтобы унести мою душу».

Но они не унесли ее тогда, Они предпочли остаться во мне. Но ничего, еще чуть-чуть и я буду, свободен от их болтовни, от их правды этого мира.

Пятнадцать лет назад мне не нужен был никакой смысл, десять лет назад я нашел смысл в смерти, пять лет назад смысл отыскался в самой жизни, а теперь, теперь мне вновь не нужен ни какой смысл. Мне не нужна долгая и счастливая жизнь, она так банальна и не интересна. Мне надоело прикидываться нормальным, делать вид, что нет проблем, улыбаться, когда на душе паршиво, поддакивать, да участливо вздыхать, когда это требовалось, мне надоело, все это. Я прожил жизнь другого человека! И сейчас у меня не осталось слов, я молчу и жду Их шепота!

– Пора...

– Пора...

– Пора...

Сказка об отражающем и мертвом

Жили-были Отражающий и Мертвый. Отражающий жил среди отражающих, и все время отражал, а Мертвый жил среди мертвых и постоянно думал о смерти. По средам они ходили друг к другу в гости и пили чай с лимонами, Мертвый говорил с Отражающим о смерти, а Отражающий отражал от себя все подряд. И вот однажды, в одну из миллиардов сред, Отражающий пришел к Мертвому и сказал, что ему надоели отражающие. Мертвый сначала удивился, что Отражающий не отразил, но потом подумал и тоже сказал, что ему надоели мертвые.

Они сидели на крохотной кухне, и пили чай с лимонами, когда Мертвый предложил идти искать Других, Отражающий сначала отразил все, но потом согласился. Они взяли с собой чайник и пошли искать Других, они шли, пели песню ни о чем и обо всем, и очень хотели побыстрее встретить этих Других.

Они так упорно шли, что не заметили, как пришли в странный дом. В этом доме все кричали и плакали, и носили странные белые кофты с длинными и завязанными за спинами рукавами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.